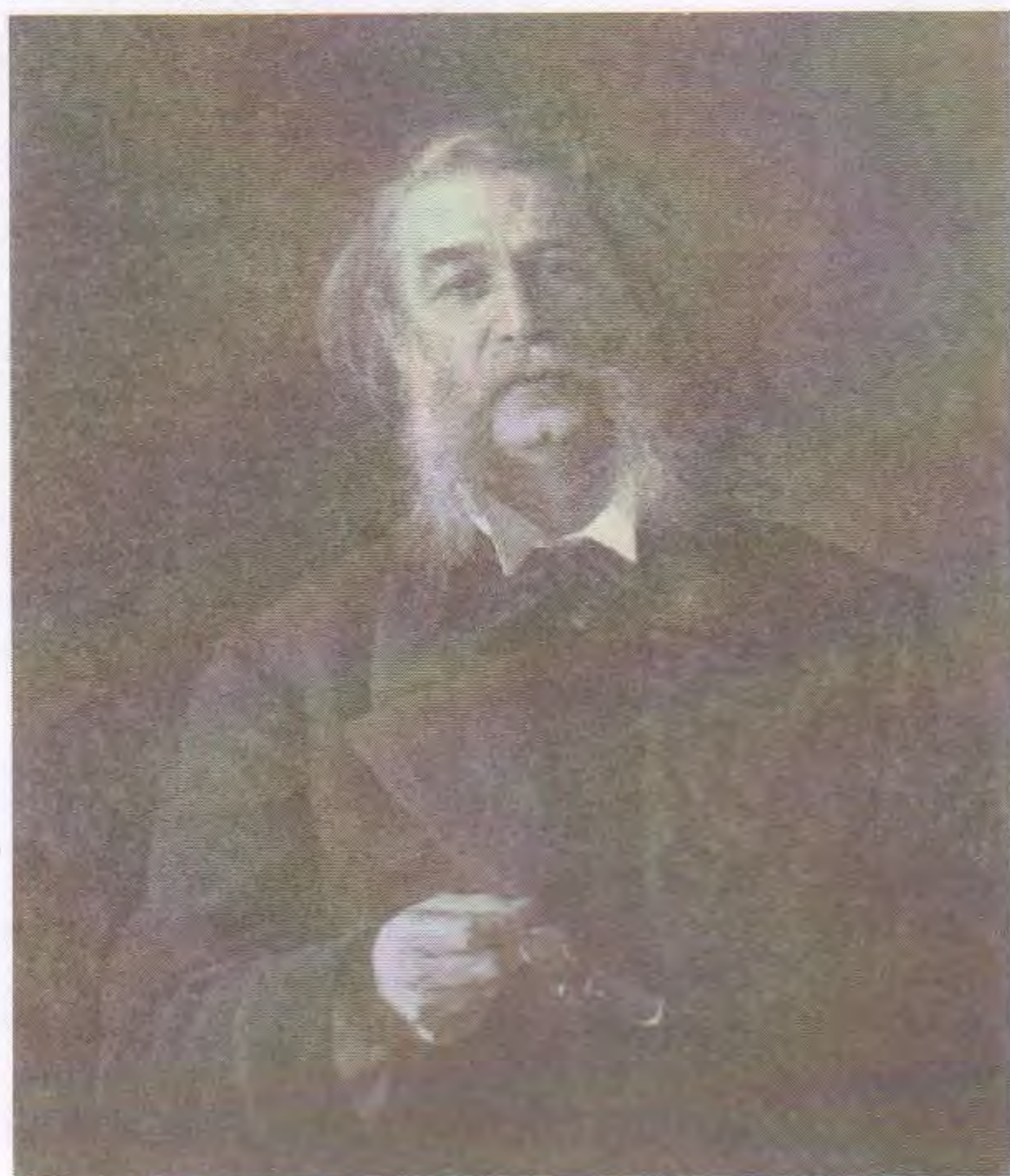




СТАТЬ ПОИСТИНЕ РУССКИМ ПИСАТЕЛЕМ

К 200-летию со дня рождения
Д.В. Григоровича



И.Н. Крамской. Портрет Д.В. Григоровича.
1876 год. Холст, масло. Третьяковская галерея

В созвездии русских писателей-классиков есть имена, чья слава и авторитет ранее были бесспорны, а ныне их жизнь и творчество, к сожалению, обойдены вниманием общества. К таким писателям относится и Д.В. Григорович.

С детства Дмитрию Григоровичу предстоял нелёгкий путь стать не только русским человеком, но и русским писателем. В своих «Литературных воспоминаниях» он напишет: «В кругу русских писателей вряд ли можно найти таких, которым в детстве привелось встретить столько неблагоприятных условий для литературного поприща, сколько было их у меня. Во всяком случае сомневаюсь, чтобы кому-нибудь из них таким трудом, как мне, досталась русская грамота. Мать моя хотя и говорила по-русски, но была природная южная француженка... Воспитанием моим почти исключительно занималась бабушка, шестидесятилетняя старуха».

Дмитрий Васильевич Григорович родился 31 марта 1822 года в селе Никольское Ставропольского уезда Симбирской губернии (ныне р.п. Никольское-на-Черемшане Мелекесского района Ульяновской области) в семье отставного офицера Василия Ильича Григоровича и его супруги-француженки Сидонии Вармо. В России её звали Сидония Петровна.

Бабушка Дмитрия Григоровича – эмигрантка Мари-Сесиль (урождённая Вабль), француженка, родилась в 1773 году. Вступив в брак с Петром Вармо, родила дочь Сидонию, будущую мать Д.В. Григоровича. Во втором

браке с Пьером-Рене Ле Дантю родились дочери Луиза, Амалия и Камилла и сыновья Шарль и Евгений. Как пишет Г. Юнкер в воспоминаниях «Детские годы Д.В. Григоровича по архиву Ивашевых», «Ле-Дантю был во Франции богатый негоциант, вынужденный по своим политическим убеждениям спастись от преследований входившего в силу Наполеона и по этому случаю разорившийся. Ему, по словам Григоровича, удалось перевести в Россию ценную картинную галерею, из которой картины, особенно голландской школы, были проданы в Эрмитаж и в Строгановскую коллекцию». В 1803 году семейство эмигрировало в Россию. А в 1812 году, спасаясь от Наполеона, семья Ле Дантю переехала в Симбирск на постоянное жительство. Здесь, в Симбирске, бабушка стала воспитательницей детей симбирского помещика, генерала П.Н. Ивашева. Будучи уже в пожилом возрасте и не зная русского языка (так как всё общество тогда говорило на родном ей языке), бабушка отправилась в Сибирь за дочерью и её мужем-декабристом. Пережив три крупные потери (смерть сына, дочери и зятя), Мари-Сесиль смогла с чисто мужской твёрдостью добиться разрешения вернуться в Россию, вывезти внуков и посвятить себя их воспитанию. В России её звали Мария Петровна.

«Можно привести ещё немало доказательств симпатичности характера Марьи Петровны...» — пишет Г. Юнкер. Неутомимая француженка редко сидела без дела, увлекалась садоводством и огородничеством, её часто можно было видеть с заступом в руке, в палисаднике, копающую грядки и пересаживающую цветы, а в плохую погоду сидящую в кресле у окна за вязанием.

Отец Григоровича, Василий Ильич, был родом из Малороссии, около тридцати лет служил в гусарах, получил чин майора. Выйдя в отставку, занимал место управляющего имениями графа Соллогуба. «Наш управляющий Василий Ильич Григорович был, что называется, мастер своего дела, <...> человек очень типический, своеобразный. Он был невелик ростом, сухопарый, крепко сложенный, гладко выбритый и подстриженный, во всей его фигуре проглядывал отставной кавалерист, кем он и был в действительности. А также здоровья изумительного и деятельности необычайной. Едва займётся заря, он уж на коне скачет на работы, приказывает, распоряжается, журит. Крестьяне его побаивались, но обращались к нему за советами по своему собственному хозяйству, что для крестьянского упрямого самолюбия образует высшую степень уважения <...> Он любил акромонию, как музыкант любит музыку и живописца живопись» (Соллогуб В.А. Воспоминания).

Первые годы жизни Дмитрия прошли в Никольском, имевшем богатую историю. По воспоминаниям графа В.А. Соллогуба (1813–1882), наследственного владельца имения: «Дом в Никольском был огромный и построен на века — из кирпича и железа. Он состоял из главного корпуса и четырёх флигелей по углам. Перед главным фасадом, обращённым к красивой реке Черемшан, располагался за железной решёткой цветник без цветов. С другой стороны у противоположного фасада устроен был въездной двор с окружающим его каменным забором. За забором тянулся на несколько десятин огромный сад-парк, разделяющий село на две половины».



Дом в Дулебино. Фото из фондов Озерского краеведческого музея им. А.П. Дорониной

Дулебино. Начало пути

В 1825 году отец писателя приобретает усадьбу в живописных местах Подмосковья — Дулебино. Так маленький Дмитрий, будущий писатель Дмитрий Григорович, впервые попал на берег красивой русской речки Смедвы, притока Оки, воспетой впоследствии во многих его произведениях. Василий Ильич мало занимался сыном, посвящал почти всё своё время работе в усадьбе. Да и недолго ему пришлось вести хозяйство на новом месте. Он скончался в 1830 году. Воспитанием мальчика занимались мать и бабушка. Первой его книжкой была азбука на французском языке, выписанная из Парижа. До восьми лет мальчик не брал в руки русской книжки, а до четырнадцати лет практически по-русски не говорил.

Свои мысли о детстве и своём воспитании и становлении писатель излагает в «Литературных воспоминаниях»: «До восьми лет в моих руках не было ни одной русской книги; русскому языку выучился я от дворовых, крестьян и больше от старого отцовского камердинера Николая. Он любил меня, как будто он десять раз был его родным сыном, как будто отец мой, перед памятью которого он благоговел, завещал ему утешать меня, любить и ласкать. О нём можно сказать то же, что Филарет (патриарх всея Руси, XVII века) говорил о русском народе: в нём свету мало, но теплоты много. По целым часам караулил он, когда меня пустят гулять, брал на руки, водил по полям и рощам, рассказывал разные приключения и сказки <...> ...За весь холод и одиночество моей детской жизни я отогревался только, когда был с Николаем».

Заложенное от природы и воспринятое по наследству от бабушки и матери глубокое понимание прекрасного дополнилось у Григоровича пребыванием в живописных местах на берегу Смедвы. Вот небольшой фрагмент рассказа «Смедовская долина»: «Пространство между краем берега и подошвою ската пересекается беспрестанно ключами; то тихо и почти незаметно пробираются они в длинной, густой траве или лозняке, из которого наши рыбаки плетут верши; <...> то разливаются они на довольно большое пространство, делятся на бесчисленное множество тоненьких рукавов, образуя бесчисленное множество островков, покрытых изумрудной тиной,

золотыми макушками куриной слепоты или стальной голубой скатертью мелких незабудок... Одним словом, я не знаю ничего живописнее этого места».

Когда пришло время подумать об образовании сына, много хлопот выпало на долю его матери, Сидонии Петровны. Десятилетним отроком Дмитрий Григорович вместе с матерью прибыл в Москву, чтобы определиться на учёбу. Сначала это была гимназия, потом частный пансион мадам Монигетти, созданный специально для её собственных детей и закрывшийся сразу же по их взрослении. В пансионе Григорович проучился три года, параллельно получая уроки рисования в Строгановском училище. Пребывание в пансионе можно было назвать не столько образованием, сколько домашним воспитанием, причём опять же во французской среде. Это был добрый дом, где, кроме троих детей Монигетти, воспитанников было всего шестеро и все они были под неусыпным вниманием хозяйки пансиона и под крылом доброй Катерины, по-матерински заботившейся о своих подопечных. *«Г-жа Монигетти была женщина умная, бойкая, привыкшая командовать, особенно над мужем, но, в сущности, имела доброе сердце и обращалась с нами по-родительски. Не следовало ей только противоречить; она сама говорила, что тогда горчица подступает ей к носу; голос её в таких случаях раздавался по всему дому, и всё мгновенно затихало как перед бурей; но «горчица отходила от носа» – и снова все шло обычным порядком <...> Артистическое наше образование дополнялось уроком танцев, сопровождавшимся всегда некоторою торжественностью: приглашались знакомые, зажигались жирандоли с восковыми свечами, нам надевали новые курточки, башмаки, и мы выводились в залу. К семи часам являлся старый, лысый скрипач, и вскоре входил танцмейстер г. Бодри, во фраке с необыкновенно высокими буфами на плечах, завитым хохлом и вывороченными, как у гуся, ногами. Раскланявшись с изысканною грацией на все стороны, он устанавливал нас в ряд: сначала учили нас, как входить в комнату, как шаркать ногой, соблюдая при этом, чтобы голова оставалась неподвижной, как подходить к дамской ручке и отходить, не поворачиваясь правым, но непременно левым плечом; затем начинались танцы; французская кадрили едва входила в моду; танцевали больше экосез, гротфатер и обращали внимание на характерные танцы: гавот, матлот и ещё какой-то особенно сложный, называвшийся «Швейцарка на берегу озера» (Д.В. Григорович. Литературные воспоминания).*

Русский язык был в пренебрежении, и сам Григорович в своих воспоминаниях удивлялся, каким образом он мог выучиться у Монигетти читать по-русски и особенно писать. Содержание у Монигетти было не дешёвым и легло на плечи матери тяжким бременем. Но природная предприимчивость и упорство помогли Сидонии добиться назначения ей пенсии после смерти мужа, в дальнейшем устроиться классной дамой в Смольный институт благородных девиц, чтобы не разлучаться надолго с сыном, а также заручиться в Петербурге поддержкой великого князя Михаила Павловича и найти сыну учителя, который помог подготовить его к поступлению в Санкт-Петербургское Главное инженерное училище, куда Дмитрий был зачислен в 1836 году.

Некрасов и Достоевский.

**«Натуральная школа»,
первые литературные опыты**

На своём жизненном пути Дмитрию Григоровичу встретилось редкостное число крупнейших российских литераторов. В Петербурге Григоровича ждала встреча в буквальном смысле слова под одной крышей с Фёдором Достоевским. Они вместе снимали жильё на углу Владимирской и Графского переулка. Именно Достоевский стал первым слушателем «Петербургских шарманщиков» Григоровича, сделав ему существенную подсказку в эпизоде, а Григорович – первым слушателем «Бедных людей» Достоевского. На всю жизнь сохранили они память о скромной «встрече», ставшей их первой творческой мастерской почти на три года.

Пребывание и учёба в училище не нравились Григоровичу. Муштра, рутина, зубрёжка были не по душе ему. Точные науки ему не давались, он любил заниматься словесными, его привлекали изящные искусства, танцы, песни, живые картины жизни. Григорович уходит из училища, не окончив его.

Влечение к искусству не оставляет молодого человека. Ещё в 1840 году он брал уроки живописи в Академии художеств, а в 1842 году случай сводит его с директором Императорских театров А.М. Геденовым, впечатлившимся бойким французским языком юноши. Геденов приглашает Григоровича на службу в канцелярию Петербургского Большого театра. Сладкий плен закулисья, общение с актёрами и драматургами побудило молодого человека заняться литературным творчеством и прежде всего переводами. *«Сделаться литератором, – вспоминал Григорович, – казалось мне чем-то поэтическим, возвышенным, – целью, о которой только и стоило мечтать».* Он перевёл французские водевили «Наследство», «Шампанское и опиум», напечатал рассказы «Театральная карета» (1844), «Собачка» (1845), которые сам признаёт как очень слабые, подражательные, хотя и напечатанные в приложении к «Русскому инвалиду». Вообще, по его же словам *«в ту пору русская грамота давалась мне всё ещё с большим трудом, его мало-помалу побеждали практика и главным образом моё юношеское неутомимое усердие».*

Судьба приготовила ему встречу с Некрасовым. *«Пример молодого литератора, жившего исключительно своим трудом, действовал возбуждительно на моё воображение».* Некрасов привлёк Григоровича к участию в издаваемом им альманахе «Физиология Петербурга». На основе наблюдений за жизнью уличных музыкантов в 1845 году Григорович пишет очерк «Петербургские шарманщики», получивший положительный отзыв В.Г. Белинского.

«Некрасов обратился ко мне, прося написать для первого тома один из таких очерков <...>. Согласившись, я долго не знал, на чём остановиться. Проходя раз в дождливый осенний день по Обуховскому проспекту, я увидел старого шарманщика, с трудом тащившего на спине свой инструмент. До этого ещё моё внимание не раз привлекали эти люди, – итальянцы по большей части, – добывающие таким ремеслом насущный хлеб <...> Я прежде всего занялся собиранием материала. <...> Рукопись «Шарманщиков» очень понравилась Некрасову».

Григорович становится «своим» в узком кружке

петербургских литераторов, группировавшихся вокруг Виссариона Белинского.

Чувствуя в себе ростки литературного мастерства и одновременно осознавая незрелость своих произведений и понимая, что прорасти они могут вне почвы Петербурга, Григорович отправляется в родное Дулебино, чтобы там напитаться животворящей силой родной земли. *«Моему самолюбию было больно за мою отсталость... литературными моими попытками и тем, что они печатались, нечем было гордиться; я вполне уже сознавал их незначительность и незрелость... Я чувствовал, что дальше так идти нельзя... Внутренний голос подсказал мне, что во мне что-то есть, что я могу что-то сделать, могу пойти вперед, но для этого нужны другие условия, нужно, прежде всего, расстаться с праздной жизнью и оставить Петербург. Я так и сделал. Написав матушке о своих намерениях, я в 1848 году, с наступлением весны, уехал в деревню».*

Именно здесь, на просторах Приокского края, родился русский писатель Дмитрий Григорович. Здесь он и написал вдохновенные откровением строки: *«Не знаю, обделила меня судьба или наградила, знаю только, что прожив 25 лет сряду на Оке, я ни разу не жаловался. Я скоро сроднился с нею и теперь люблю её, как вторую отчизну. Не вините же меня в пристрастии – в некоторых случаях пристрастие извинительно, – не вините же, если берега Оки, её окрестности и маленькие речки, в неё впадающие, кажутся мне краше и живописнее других берегов, местностей и речек России».*

Начинался дулебинский период его жизни и творчества. Здесь вскоре он создаёт две повести, «Деревня» и «Антон-Горемыка», произведшие эффект разорвавшейся бомбы для того времени. О помещиках, влюблённых барышнях-крестьянках и забитых чиновниках самого низшего ранга уже было сказано слово Пушкиным, Радищевым, Гоголем. По-своему изображали русскую деревню Тургенев и Писемский. Но лишь Григорович в свойственной ему манере изобразил русскую деревню обстоятельно и точно, с любовью и нежностью, состраданием и печалью. Как точно подмечено современником писателя, педагогом и литератором В.П. Острогорским, *«...серой мужицкой жизни, мужицкого, бабьего, детского горя, всей ужасающей прозы этой каторжной жизни до Григоровича ещё не изображал никто».* Повести не оставили равнодушными практически никого. Многие известные литераторы горячо откликнулись на них.

Лев Толстой в письме Григоровичу: *«Вы мне дороги... в особенности по тем незабвенным впечатлениям, которые произвели на меня, вместе с «Записками охотника», ваши первые повести. Помню умиление и восторг, произведённые на меня, тогда 16-летнего мальчишка, не смеявшего верить себе, – «Антоном-Горемыкой», бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика – нашего кормильца и – хочется сказать, нашего учителя, – можно и должно описывать, не глумясь и не для оживления пейзажа, но с уважением и даже трепетом».*

К концу 1840-х годов Григорович стал уже широко известным писателем, постоянным автором журнала «Современник», на счету которого были повести и рассказы «Похождения Накатова»,

«Четыре времени года», «Капельмейстер Сусликов», «Штука полотна», «Бобыль», в которых Григорович блестяще описывает аристократов-бездельников, их незадачливых подражателей-буржуа и прочих небокоптителей разного ранга. С Григоровичем, как и с Иваном Тургеневым, Львом Толстым, Александром Островским и Иваном Гончаровым, было заключено «обязательное соглашение», по которому писатель получал проценты от журнальной выручки, обязуясь печатать свои вещи исключительно в «Современнике». На известной фотографии «первой редакции» журнала мы видим Григоровича среди коллег-писателей.

В литературе этого времени постепенно изменяются границы прозаического жанра, физиологический очерк всё более вбирает в себя повествовательные черты эпической прозы, повесть становится основным жанром, подготавливая почву для появления романа. С конца сороковых до середины пятидесятых годов 19-го столетия в литературе чувствуется очень сильное влияние мощного таланта Гоголя, и произведения многих авторов «натуральной школы» словно поют с чужого голоса, отличаясь вторичностью замысла и подражательностью. Григорович это прекрасно понимал, об этом он написал в своих мемуарах: *«Все в одинаковой степени были увлечены Гоголем; почти всё, что писалось в повествовательном роде, было отражением повестей Гоголя, преимущественно повести «Шинель»».*

В 1853 году выходит роман Григоровича «Рыбаки». Описывая два поколения семейства рыбаков, автор не избежал условности в изображении характеров, но мастерство Григоровича здесь опять проявляется в поэтическом созерцании и умении живописно, словно кистью художника, передавать картины природы и быта людей. Литературоведы определяют жанр новой повествовательной формы письма Григоровича как «народный роман».

Н.А. Некрасов пишет Григоровичу: *«Ваш роман «Рыбаки» без преувеличения удивительно хорош. Это все находят в Петербурге, и здесь я отовсюду слышу ему похвалы <...>. Я еду на самое место действия Вашего романа – в деревню, лежащую при Оке, и мне любопытно будет посмотреть, насколько верны Ваши описания».*

В 1850-е годы из-под пера Григоровича вышли: «Пахарь» (1856), «Кошка и мышка» (1857), «Пахотник и бархатник» (1860), рассказы «Мать и дочь» (1851), «Смедовская долина» (1852), «В ожидании парома» (1857), ряд очерков. Перо Григоровича отличалось высочайшим описательным мастерством, это было перо художника-реалиста, подробнейшее и живописное. Во многих его произведениях почти нет сюжета, но не этим силён Григорович, а своей неспешной и скрупулёзной художественной убедительностью.

Переломной в творчестве явилась его повесть «Пахарь». В чём же здесь новизна Григоровича, ранее яркого представителя «натуральной школы»? А в том, что в повести автор попытался показать не только безжалостную картину бытования простого народа, угнетённого крестьянина, его безысходность и забитость, но и духовную красоту простого русского человека, воспел поэзию крестьянского